

**Пресс-конференция на тему
«Стратегия «Газпрома» в электроэнергетике»
15 мая 2014 года**

ВЕДУЩИЙ: Добрый день, коллеги. Мы продолжаем пресс-конференции, которые проводим перед собранием акционеров «Газпрома». Сегодняшняя наша тема — «Стратегия «Газпрома» в электроэнергетике». В пресс-конференции принимает участие начальник Управления развития электроэнергетики и тепловой генерации ОАО «Газпром», генеральный директор компании «Газпром энергохолдинг» Денис Владимирович Федоров. Ему слово. Потом — вопросы.

Д.В. ФЕДОРОВ: Добрый день, уважаемые коллеги. Я постараюсь достаточно кратко пройти по презентации и ответить на вопросы, если они будут.

(слайд 2) На этом слайде представлена наша работа в 2013 году. На вопросах операционной деятельности мы более подробно остановимся на следующих слайдах. С точки зрения стратегического развития наиболее крупным и значимым в наших действиях стало приобретение в прошлом году ОАО «МОЭК» — подробнее на этом мы остановимся немного позже. Кроме того, мы подписали в прошлом году меморандум по возможному строительству в Сербии электростанции мощностью порядка 200 МВт. Мы потихонечку движемся в сторону присутствия в некоторых европейских странах.

Кроме того, с Правительством Москвы мы подписали соглашение и начинаем реализовывать проект по строительству сети электрозаправок в Москве. В инвестиционной программе «Мосэнерго» эти деньги уже внесены, и мы планируем в ближайшие несколько лет построить ряд электрозаправок в Москве — возле парков, возле бизнес-центров, — на различных условиях. Думаю, что этот проект будет достаточно интересным. Посмотрим, насколько приобретение электроавтомобилей и электровелосипедов станет популярным в нашей стране.

Кроме того, мы приняли решение о необходимости создания собственной ремонтной компании. Мы достаточно долго — с 2007 года — жили в конкурентной среде. К сожалению, мы считаем, что решения, принятые РАО «ЕЭС России» об отчуждении ремонтных структур из генерирующих компаний, были неверными. Это привело к достаточно печальным последствиям: к повышению стоимости ремонтов и к снижению их качества. Поэтому мы достаточно долго шли к этому решению: еще в 2009–2010 годах начинали обсуждение с рядом ремонтных компаний тех проблем, которые перед ними стоят — почему из года в год ухудшается качество ремонтов. И если в Москве и в Санкт-Петербурге мы можем обеспечить хоть какую-то конкуренцию... Но мы видим, как люди кочуют из компании в компанию. Сегодня ты с одной работаешь, завтра конкурс выиграла другая, и люди переходят между компаниями. То в таких компаниях, как ОГК-2, станции которой фактически расположены в небольших городах, очевидно, что вообще никакой конкуренции сделать невозможно.

Поэтому мы приняли решение о создании компании — в будущем она будет называться «ГЭХ-энергоремонт». Мы планируем, что в ней будут сосредоточены наиболее значимые ремонты во всех наших генерирующих компаниях — это касается и МОЭК, и «Мосэнерго», и ТГК-1, и ОГК-2. Кроме того, мы уже создали компанию, которая будет заниматься сервисом газовых турбин. У нас достаточно большой парк газовых турбин, мы поработали со всеми компаниями, с которыми могли поработать

в Европе и России, начиная с Siemens и заканчивая Sulzer, с «Силовыми машинами». Несмотря на то, что у нас были долгосрочные контракты с рядом энергоремонтных компаний, нам до сих пор не удалось за все годы договориться о формировании складов запчастей. В результате возникают большие проблемы, и ремонты обходятся в достаточно большие деньги. Поэтому дочерняя компания нами уже учреждена, мы еще думаем, как ее назовем, пока она называется «Старсервис». Но в принципе большая часть сервиса основного энергетического оборудования будет осуществляться через нее.

Что мы сделали в прошлом году с точки зрения инвестиций: было введено два энергоблока на Адлерской станции, они успешно отработали Олимпийские и Паралимпийские игры. Были небольшие проблемы, но они носили локальный характер, как на любом новом энергетическом объекте. Многие не верили, что нам удастся вывести станцию на необходимые параметры в связи с рядом проблем, которые возникали и при ее строительстве, и при начале эксплуатации. Но, тем не менее, нам удалось решить эту достаточно непростую задачу, и мы прошли Олимпийские и Паралимпийские игры в очень хорошем, устойчивом режиме. Многие из тех, кто говорил, что эта станция будет не востребована, я считаю, на сегодняшний день забрали свои слова обратно. Даже после Олимпиады станция работает практически на полную мощность. То есть коэффициент использования установленной мощности существенно выше, чем на других наших парогазовых энергоблоках, даже спустя значительное время, которое прошло после Олимпиады.

Также реконструирован ряд гидроагрегатов. Кроме того, мы активно занимаемся выводом из работы неэффективных мощностей.

С точки зрения вопросов регулирования отрасли: есть ряд решений или внешних факторов, которые негативно влияют на нашу работу. Тем не менее, работаем при тех параметрах, которые нам задают. К сожалению, заморожена модель рынка электроэнергетики и мощности. Мы считаем это большой ошибкой. Я всегда говорил, что, помимо электроэнергетики, которая остро нуждается в перевооружении, мы, кроме того, обрушим наше энергомашиностроительное производство, обрушим наши строительные компании, которые только набрали силу. Буквально вчера или позавчера я читал заявление заместителя Министра финансов РФ Сергея Сторчака о том, что снижение ВВП связано со снижением объемов инвестиционных программ естественных монополий. Это достаточно очевидная вещь. Мы достаточно активно занимаемся «альтернативной котельной» (механизм тарифообразования в теплоэнергетике), что непонятно чего принесет, кроме повышения тарифов для населения в ряде регионов. Уберем там перекрестное субсидирование, якобы это получится, хотя я в этом сильно сомневаюсь, учитывая, что тепло — гораздо более социальный продукт по сравнению с электроэнергией. А вот реализовывать проект, связанный со строительством новых мощностей, что приведет к загрузке российских энергомашиностроительных предприятий высокотехнологичной научной продукцией — мы, к сожалению, этого не делаем. Я считаю, что это неправильно.

(слайд 3) Как я обещал — более подробно о производственно-финансовых результатах: в 2013 году снизилась выработка электроэнергии, компаниями «Мосэнерго», ТГК-1 и ОГК-2 на 5%. Мы оптимизируем загрузку наших электростанций. Те электростанции, которые у нас работают с отрицательной доходностью — естественно, на них мы стараемся минимизировать выработку по теплу. Понятно, что это связано с температурными факторами.

(слайд 4) Несмотря на снижение выработки, выручка выросла на 4,6%, а чистая прибыль возросла на 15,4%. Это связано не только со снижением выработки на неэффективных мощностях, но и с продолжением реализации нами программ повышения эффективности в генерирующих компаниях, с введением новых блоков ДПМ (договоров о предоставлении мощности). Тем не менее, финансовые результаты достаточно неплохие.

(слайд 5) Также можно сказать и про показатель EBITDA — рост на 11,7%. У нас возрос долг на 19,2%, в основном это «Мосэнерго» и ОГК-2, которые продолжают реализацию достаточно масштабных инвестиционных проектов.

(слайд 6) Что мы ожидаем в 2014 году. Понятно, что конъюнктура достаточно сильно меняется, но тем не менее мы надеемся на рост показателей по EBITDA и в «Мосэнерго», и в ТГК-1, и в ОГК-2 — на относительно небольшие значения. Внешние факторы не улучшаются, поэтому, если повторим результаты 2013 года, будет хорошо. Если их улучшим — будет совсем хорошо.

(слайд 7) С точки зрения реализации инвестиционной программы: наша мощность несколько возросла. Несмотря на те выводы оборудования, которые мы осуществляем, инвестиции у нас тоже подрастают по объему, но это преимущественно за счет инвестпрограмм ОГК-2 и «Мосэнерго». Новый объем вводимых мощностей был относительно небольшим в прошлом году, но это временный перерыв. Я уверен, что в 2014–2015 годах будет введено достаточно большое количество новых мощностей, и мы подойдем к завершению обязательной инвестиционной программы.

Вы видите, что вывод неэффективных мощностей возрастает с каждым годом. Мы считаем это правильным направлением. Доля новых мощностей в формировании EBITDA с каждым годом растет и уже достигает практически 50%.

(слайд 8) По дивидендам — то, что всегда всех волнует. Начнем с «Мосэнерго». Мы еще эти цифры не озвучивали. В этом году рекомендуем собранию акционеров выплатить 20%, несмотря даже на то, что инвестпрограмма по «Мосэнерго» не завершена и требует достаточно больших показателей по объему инвестиций. По ТГК-1 цифра уже была озвучена: также предлагаем выплатить 20%. По ОГК-2: мы считаем, что при том уровне долговой нагрузки, который есть в компании, выплата дивидендов в этом году нецелесообразна. В следующем году — 2015-м, по результатам 2014 года — мы планируем в ОГК-2 заплатить дивиденды, во всяком случае, рекомендовать собранию акционеров одобрить выплату дивидендов. Пока по объему я не скажу, но точно будет не менее 5%.

(слайд 9) Что ожидается на 2014 год. Мы планируем незначительное увеличение практически по всем финансово-производственным показателям, но на ситуацию по-прежнему будут влиять внешние факторы. Неплохо будет, если мы повторим результат 2013 года. Этот год для нас, несмотря на не очень хорошую внешнюю конъюнктуру, был достаточно удачным.

(слайд 10) МОЭК. Все вы знаете, что мы осуществили одну из крупнейших сделок в стране — если не крупнейшую в Европе за последние несколько лет — по приобретению компании МОЭК. На сегодняшний день мы активно занимаемся с привлечением консультантов разработкой новой стратегии и МОЭК, и «Мосэнерго». Пока сосредоточены на МОЭК. Мы обещали, что в мае-июне расскажем что-то про наше видение того, как будут взаимодействовать наши компании: МОЭК и «Мосэнерго». На сегодняшний день двигаемся в направлении, связанном с разделением этих компаний.

Условно говоря, в «Мосэнерго» должны быть сосредоточены генерирующие мощности, а в МОЭК — транспорт тепла. Мне кажется, что это будет прозрачно для всех участников процесса. Есть ряд вопросов, которые пока не решены, поэтому говорить подробнее по этой теме пока рано.

В настоящее время, как и планировали, осуществляем перевод нагрузок с неэффективных котельных на более эффективную генерацию ТЭЦ. Часть программы нами реализуется, часть работ для нас осуществляет «Газпром промгаз», который делает генеральную схему электро-, тепло- и газоснабжения Москвы. Мы наняли его для выполнения отдельной части работ, которая покажет, какими этапами можно закрывать и выводить из работы неэффективные котельные и районные тепловые станции, и переносить нагрузки на более эффективные источники тепла.

На сегодняшний день, насколько я помню, уже принято — во всяком случае, точно вынесено на Совет директоров — решение о продаже «Мосэнерго» части котельных МОЭК, которые находятся в зоне действия ТЭЦ «Мосэнерго». Часть расчетов будет осуществлена взаимозачетом, то есть у МОЭК есть долг перед Мосэнерго — стандартные кассовые разрывы — поэтому в сделке живых денег будет не так много, но они будут.

(слайд 11) Дополнительные точки роста. Как я уже сказал, мы планируем развивать ремонтный и энергосервисный бизнес. Несколько лет назад нами был приобретен блокирующий пакет компании, которая занимается автоматизацией — «Текон-инжиниринг». Опыт нашего сотрудничества показал, что оно взаимовыгодно для всех сторон. Мы получили достаточно современную автоматизацию, мы унифицируем автоматизацию всего оборудования на наших электростанциях. «Текон» работает не только на внутреннем, но и на внешних рынках и располагает достаточно большим портфелем заказов в других энергетических компаниях. Инвестиции в этот проект мы окупили, и он продолжает показывать большую эффективность. И, как я уже говорил, после длительного анализа мы приняли решение о том, что мы входим в ремонтный бизнес и формируем дочернюю компанию, которая будет заниматься ремонтами в наших компаниях плюс сервисным обслуживанием газовых турбин. А дальше из-под этой компании мы будем разговаривать и с Siemens, и с Sulzer, и с «Силовыми машинами» о том, кто из них будет выполнять те условия, которые у нас есть.

Про проекты за рубежом я уже говорил. Проект в Панчево (Сербия) будет основан на иностранном законодательстве, у нас будут долгосрочные контракты по купле-продаже электроэнергии и тепла. Мы считаем этот проект выгодным для обеих сторон. Распределение долей там — 51% на 49%. 51% — у «Газпром энергохолдинга» и 49% — у NIS. Потенциальные зарубежные проекты — о них мы всегда говорим, но в детальной стадии проработки у нас только проект с NIS.

(слайд 12) По стратегическим направлениям бизнеса. Планируем к 2016-2017 годам завершить большую часть проектов ДПМ. Планируем реализовать достаточно большую программу по обновлению основных фондов генерирующих компаний. Несмотря на то, что на сегодняшний день нет никаких внешних стимулов, связанных с модернизацией мощностей, уже достаточно давно ведем отбор проектов. Пионером стала компания «Мосэнерго», которая привлекала компанию Roland Berger еще три года назад, и мы имеем примерную программу техпроектов по строительству или модернизации действующих мощностей, которые могут быть заменены вне ДПМ. После реализации обязательной инвестпрограммы мы будем продолжать реализовывать проекты и в ОГК-2. Приведу в пример наше сотрудничество с «Сургутнефтегазом» в Киришах, где у нас ТЭЦ,

и основной потребитель — «Сургутнефтегаз». После того, как мы реализуем инвестпрограмму, будем рассматривать необходимость модернизации Киришской ГРЭС в теплофикационной части.

Планируем продолжать вывод неэффективных мощностей и реализацию непрофильных активов. Наверное, нам в этом году придется реализовать один профильный актив. Я думаю, вопросы по Ондской ГЭС будут, я на них отвечу.

Дальнейшая реализация программ по оптимизации затрат генкомпаний. Во всех компаниях действуют программы, они по-разному называются: либо «Бережливое производство», либо «Повышение акционерной стоимости», либо «Снижение издержек». Продолжаем и будем продолжать так же делать. В МОЭК делаем первые шаги — мы сейчас занимаемся оптимизацией ремонтной и инвестиционной деятельности этой компании, наняли консультантов, поэтому программы, которые мы реализуем с нашими иностранными партнерами, очевидны, и в МОЭК мы будем двигаться по тому же самому пути. Естественно, после приобретения МОЭК у нас развязаны руки по повышению эффективности и оптимизации системы теплоснабжения города Москвы.

Мы не отказываемся и от дальнейшего приобретения активов в электроэнергетике. Буквально перед майскими праздниками мы стали основным кредитором «ГТ-ТЭЦ Энерго». Теперь будем заниматься еще и этим активом. Есть ряд инвестиционно привлекательных проектов — и в России, и за рубежом. В России реализуем ряд проектов: по некоторым из них достаточно далеко продвинулись, по части — не очень. К примеру, мы всегда говорили, что у нас есть Оренбург и Астрахань, где расположены газоперерабатывающие заводы и где можно либо построить новую станцию, которая окупится за семь-восемь лет при снижении тарифов, действующих для этих предприятий, либо договариваться с компаниями, которые снабжают теплом и электроэнергией. Завод в Астрахани снабжает теплом «Газпром энерго».

По Каргале (Оренбургу): я думаю, что мы в ближайший месяц подпишем контракт по снижению цены тепла на 5% с Волжской территориальной генерирующей компанией. Этот контракт будет долгосрочным, планируем подписать его на срок порядка двадцати лет. Понятно, что сейчас нестабильное законодательство в области теплоснабжения во многом нас ограничивает. Но мы думаем, что те поправки, которые сейчас вносятся, позволят подписать уже достаточно длинный и хороший контракт, который несет дополнительный эффект для Волжской генерирующей компании: она перестанет находиться в подвешенном состоянии — будем мы строить или не будем мы строить электростанцию. А нам он даст снижение тарифов на тепло, будет прописана и проблема перекрестного субсидирования. Мы понимаем, что в нынешних условиях оно существует, и избавиться от него за один день не получится. Но единомоментное снижение тарифов даже на 5% — это для завода достаточно хороший показатель.

У меня все.

ВОПРОС: Анастасия Вайник, газета «Карельская губерния». Как Вы понимаете, вопрос будет про Ондскую ГЭС. Расскажите, пожалуйста, что происходит, будет ли она продана, в интернете есть комментарии о том, что она уже продана РУСАЛу. Чем это чревато для республики, потому что от Ондской ГЭС зависят три района. И что будет происходить с оставшимся каскадом ГЭС, которые зависят опять же от Ондской?

Д.В. ФЕДОРОВ: Станция не продана пока, на сегодняшний момент времени. Это достаточно непростой и длительный процесс. Что касается продажи: после целого ряда

совещаний в, скажем так, высоких кабинетах больших начальников, РУСАЛ все-таки настаивает на продаже этой станции. Хотя я считал и считаю, что это не совсем правильное решение. Мы были готовы снизить цену на электроэнергию для РУСАЛа до 65 коп. (за 1 кВт*ч) — на сегодняшний день, я скажу, на РСВ (рынок на сутки вперед) цена составляет в районе 1 руб. — и зафиксировать ее на десять-пятнадцать лет. Мы понимаем все социальные проблемы, которые есть у Надвоицкого алюминиевого завода, и мы и так на протяжении трех лет делали достаточно большую скидку (порядка 25–30%) для трех алюминиевых предприятий, находящихся в Республике Карелии и в Мурманской области. Но почему-то у РУСАЛа позиция, что в любом случае им нужно владеть этой электростанцией. Достигнуты соглашения, что мы готовы продать эту станцию, но по рыночной стоимости. До этого мы озвучивали цифру порядка 2,5 млрд руб. Сейчас ведется переоценка с учетом того, что оценка была по состоянию на 2013 год, и она уже по закону не может быть использована для реализации этого актива. Рыночная конъюнктура несколько ухудшилась — как для тепловой, так и для гидрогенерации, и у этих значений будут отклонения, но они будут относительно незначительными. Честно говоря, я не понимаю, зачем РУСАЛу эта станция. Понятно, что она не будет стоить дешевле 2 млрд руб., это абсолютно очевидно. Мы все знаем, что у РУСАЛа нет денег.

Могу сказать, что станция зарабатывает порядка 200 млн. руб. чистой прибыли в год. Даже если они возьмут кредит в банке, даже если под 10%, в чем я сильно сомневаюсь — мы сейчас привлекаем в наши хорошие активы, платежеспособные, с хорошими ковенантами, не обремененные большой долговой нагрузкой, где-то под 9,5%, — то ежегодные платежи по процентам составят больше 200 млн руб. То есть в лучшем случае, если они проведут какую-то оптимизацию, еще что-то, то будут фактически обслуживать только проценты. А тело кредита останется неизменным. Несомненно, мы выполним те договоренности, которые были достигнуты: сделаем оферту, в ближайшее время мы вынесем этот вопрос на Совет директоров ТГК-1, как только будут проработаны все необходимые юридические моменты. В среду мы встречаемся с представителями «Евросибэнерго» и РУСАЛа для обсуждения этой проблематики. Честно говоря, мне кажется, что для них долгосрочный контракт на 65 коп. — это отлично. В свое время они говорили об 1 руб., что для них это будет хорошо. Понятно, что им нужно договориться об исключении дорогих ДПМ из общего тарифа. Мне кажется, это вполне возможно сделать, учитывая, что это моногород и все понимают социальные проблемы, и на десять лет зафиксировать 65 коп. — для них это было бы просто отличным результатом.

Мы понимаем все социальные проблемы, которые есть в этом городе, и, конечно же, идем навстречу нашим коллегам и партнерам. И будем двигаться. У нас могут быть проблемы с точки зрения регулирования станций, расположенных ниже Ондской ГЭС и входящих вместе с ней в каскад Выгских ГЭС. Эти вопросы с РУСАЛом выясним, от руководства РУСАЛа получены устные убеждения в том, что они пойдут практически на все наши условия, связанные с технической эксплуатацией станции. Если не пойдут на наши условия, мы просто перенесем управление на уровень ниже. Хотя из-за этой ситуации возникнет много проблем. Посмотрим, до чего мы дойдем. Все-таки я считаю правильным заключение долгосрочных контрактов с нами. Я знаю, что «Россети» готовы на достаточно комфортные условия по договоренностям с РУСАЛом, то есть по снижению стоимости оплаты услуг по передаче электроэнергии. А так — посмотрим, к чему это приведет. Полтора или два года мы уже бьемся над этим вопросом. Надеюсь, что он как-то решится.

Людей мы не бросим. Если людей на Ондской ГЭС будут сокращать — хотя у нас одним из условий переговоров будет, чтобы людей не сокращали, — то мы найдем, куда их забрать. Мы предложим не эфемерные, а нормальные условия. Сотрудники Ондской ГЭС могут не переживать — они работу в ТГК-1 себе всегда найдут. Это я обещаю.

ВОПРОС: Ольга Мягченкова, газета «Деловой Петербург». У меня два вопроса. Один — по следам прошлогодней пресс-конференции. Вы тогда обозначили проблему задолженности систем ЖКХ в Петербурге и сказали, как, возможно, будете ее решать. Возможно, создадите собственный биллинг, возможно, будете привлекать альтернативные расчетные центры взамен ГУП ВЦКП Санкт-Петербурга. Сейчас идет несколько процессов банкротства в отношении наиболее злостных неплательщиков. Как сейчас решается эта проблема, снизилась ли задолженность, как вообще продвигается ваша работа в этом направлении?

И второй вопрос — касательно ОАО «Теплосеть Санкт-Петербурга», о выкупе городом акций. Как будет построен этот механизм? Будет ли это полная консолидация городом акций в этом году, и по какой цене? Несколько лет назад была информация о том, что ТГК-1 заинтересована не только в выкупе всей теплосети, но и при акционировании ГУП «ТЭК Санкт-Петербурга», возможно, в участии в долях этой компании. Сейчас, я так понимаю, сменилась политика. С чем это связано?

Д.В. ФЕДОРОВ: По задолженности. С точки зрения просроченной дебиторской задолженности у нас ситуация сильно не изменилась ни в лучшую, ни в худшую сторону. Поэтому мы начали процессы банкротства ряда ЖКУ (жилищно-коммунальный участок). По опыту изучения нами одного из ЖКУ — Василеостровского, если я не ошибаюсь — это не дает пока какого-то значительного серьезного эффекта. Но это связано с тем, что конкурсный управляющий был выбран от другого кредитора. Поэтому мы не видим серьезного улучшения ситуации по этому ЖКУ и намерены в ближайшее время поставить вопрос о смене этого конкурсного управляющего. Я не говорю, что он плохой, просто я вижу, что ситуация не меняется.

Ситуация по текущим платежам улучшилась после достаточно агрессивных действий со стороны ТГК-1 по отношению к неплательщикам. В целом у нас рост собираемости увеличился, но при этом, по плохим долгам — назовем их так — ситуация не меняется.

Будем ли мы дальше банкротить ЖКУ, ставить конкурсных управляющих — большой вопрос. Сейчас мы сделали топ-10 крупнейших неплательщиков и разбираемся с ситуацией: с чем это связано, почему они нам не платят. По ряду ЖКУ мы видим, что собираемость у населения 98–99%, а до нас доходит 76%. Может быть, не банкротить нужно, а просто более активно обращаться в правоохранительные органы и разбираться с этими неплательщиками. Мы ведем активную претензионную работу — порядка 90% исков, насколько я знаю, мы выигрываем. Порядка 10% проигрываем, но это связано с тем, что у нас законодательство предусматривает различные нормы начисления платежей за тепловую энергию. Тем не менее, подавляющее большинство исков мы выигрываем.

Про создание биллинговой компании. На сегодняшний день ведем активную работу, и я думаю, что к концу этого года выйдем на создание компании и постепенно начнем переводить платежи. Часть платежей мы уже перевели напрямую на ТГК-1, население с нами работает. Мы увидели, что этот опыт дает позитивные примеры, поэтому в этом направлении будем двигаться, просто ситуация со сменой биллинга

достаточно непростая. Не хотим устраивать так, чтобы люди получали две платежки, стараемся действовать предельно аккуратно.

По тепловым сетям Санкт-Петербурга. Действительно, у нас были планы, в том числе по возможному участию в ГУП «ТЭК СПб» — это было три-четыре года назад. Мы надеялись на рост тарифа, договаривались о том, что долгосрочный рост будет зафиксирован на уровне 15–17% — в этом случае теплосеть будет переведена на RAB-регулирование (метод доходности инвестированного капитала). Такие предварительные договоренности у нас были достигнуты с предыдущим губернатором, но, учитывая общую социально-экономическую ситуацию, введение ограничений в платежке в 6% на сегодняшний день не представляется возможным. По разным причинам город также не может выплачивать субсидии в значительном объеме.

Поэтому на протяжении порядка пяти-шести лет мы просто несем на себе нагрузку по содержанию и приведению в порядок того теплосетевого хозяйства, которое нам досталось. Точные цифры сейчас не помню, по-моему, что-то около 14–16 млрд руб. мы вложили в теплосеть за эти годы. Понятно, что эти деньги в принципе невозвратные, мы просто бухнули их туда и имеем компанию, функционирующую с бумажной прибылью в 50 млн руб. Это именно бумажная прибыль, а реальный операционный поток там отрицательный, и долговая нагрузка из года в год растет. Мы уже не в состоянии вкачивать каждый год дополнительно по 3–4 млрд руб. Амортизация там составляет около 1,5 млрд рублей.

У нас были планы по созданию современной европейской системы теплоснабжения — без отключений потребителей тепла. К сожалению, этот эксперимент у нас не удался — из-за отсутствия денег, из-за того, что и мы, и регуляторы взяли на себя повышенные обязательства, но в результате мы их выполнили, а регуляторы — нет. Так часто бывает в нашей стране, поэтому сейчас ведем диалог с городом, и город понимает, что экономика у предприятия «Теплосеть Санкт-Петербурга» достаточно прозрачная, там четко выделенный теплосетевой бизнес. Они все видят и понимают, к нам претензий никаких не предъявляют. Все понимают, что так не может дальше продолжаться. Город готов взять на себя эту нагрузку. Мы готовы помочь в этом городу. Пока я условия разглашать не буду, поскольку это является коммерческой тайной, но думаю, в течение ближайших двух месяцев вы их узнаете и мы, наверное, выйдем из уставного капитала теплосети.

ВОПРОС: Вера Волошинова, газета «Молот». Будьте добры, скажите, с чем связан перенос сроков ввода в действие девятого блока Новочеркасской ГРЭС, и каковы сегодня эти сроки? Спасибо.

Д.В. ФЕДОРОВ: Вы знаете, что на Новочеркасской ГРЭС строится единственный в России ЦКС-блок 330 МВт (угольный энергоблок на основе технологии циркулирующего кипящего слоя). ОГК-2 повезло с нестандартными техническими решениями. К сожалению, у нас есть целый ряд вопросов и к проектировщику, и к тому, зачем при выборе проектных углей там нужен был ЦКС-блок. Я думаю, что обычный пылеугольный блок мы бы уже давно пустили в работу. Там, где расположена Новочеркасская ГРЭС, возможно сжигать только два сорта углей, которые на сегодняшний день и так используются на существующих энергоблоках. К моменту прихода «Газпрома» уже было выбрано оборудование и заключены контракты, и мы выполняем только те решения, которые были уже приняты до нас. Поэтому основная проблема — то, что это будет первый и, наверно, единственный пока ЦКС-блок в обозримом будущем, который никогда в России не строился. Конечно, мы планируем ввести этот энергоблок в эксплуатацию в

2015 году. На пуско-наладочные операции мы отводим восемь месяцев. То, что проходит за полтора — три месяца на обычных блоках, на блоке ЦКС планируем восемь. Если удастся его вывести на нормальный режим работы раньше, мы будем только рады. Это просто выбранное техническое решение, выбранное не нами, но мы уже не могли от него отказаться. Поэтому действуем сообразно обстоятельствам. Ну и вы знаете, что в России практически не строились и не строятся угольные энергоблоки. Если парогазовые мы научились строить, то с угольными блоками мы только подходим к поиску оптимальных решений.

ВОПРОС: Светлана Турьялай, журнал «Энергия Юга». Денис Владимирович, в перечне объектов строительства к Олимпиаде-2014 была Кудепстинская ТЭС. Ее исключили из этой программы в мае прошлого года. В связи с этим несколько вопросов.

Теперь по решению Минэнерго электростанция будет построена в Чечне. Почему именно «Газпром энергохолдинг» и его дочерняя структура ОГК-2 стали операторами этого проекта? И как она теперь будет называться? Площадка, я так поняла, уже выбрана, а есть ли уже генпроектировщик, генподрядчик? И есть ли проблемы в передаче ДПМ от ТГК-2 к ОГК-2? Они же закупали энергоблоки. Будут ли они использованы или вы новые будете закупать? И насколько я слышала, последний инвестор, компания «Газэнергострой», хотела бы участвовать. Будете ли вы их привлекать?

Д.В. ФЕДОРОВ: По Кудепстинской: она просто не была построена. Весь вопрос переноса этого проекта ДПМ с одной площадки на другую именно в том, что станция не была построена. Кто виноват и почему так случилось — это вопросы не ко мне. Вы правильно сказали, что блок был закреплен за ТГК-2, поэтому это не к нам.

Почему Чечня. Я уже несколько раз был в городах Грозный и Аргун, в следующий раз планирую посетить и Гудермес, съездить в горы. На меня, честно говоря, республика производит неизгладимое впечатление. Энергокомпании в России строят новые энергоблоки. Иногда они не нужны — я не буду говорить, какие конкретно блоки, но даже построенные блоки иногда работают с достаточно низким КИУМом (коэффициент использования установленной мощности), иногда вообще простаивают. Это неизбежные ошибки при реализации столь масштабных инвестиционных проектов, и они носят локальный характер. Ошибкой было то, что в Чечне эту станцию не построили еще года три-четыре назад, потому что тот уровень развития, который я видел в Грозном и в Аргуне, меня приятно удивил. Я такое мало где видел. Называться наш проект, скорее всего, будет Грозненская ТЭС. Пока не до конца известны будущие тепловые нагрузки, и точно неизвестно, будет ли там «Роснефть» строить НПЗ или нет. В планах он есть, но точно мы не знаем.

Почему «Газпром энергохолдинг»? На сегодняшний день все энергокомпании, которые имеют свободный денежный поток, не отказываются от тех ДПМ, от которых отказываются другие генкомпании. Учитывая достаточно непростые взаимоотношения между «Газпромом» и ТГК-2, нам удалось на выгодных для нас условиях договориться с ТГК-2 по поводу переуступки этого ДПМ.

Будет ли использовано оборудование ТГК-2? Да, предварительные договоренности у нас есть об использовании энергетического оборудования, которое было закуплено ТГК-2. Но пока вопрос окончательно не «приземлился», поэтому пока мы не можем гарантированно сказать, что да, это пойдет так. С «ГазЭнергоСтроем» мы по этому проекту не сотрудничаем. Мы провели переговоры, поняли, что наши позиции достаточно

сильно отличаются — и сохранили нормальные отношения. Они все иски против МОЭК забрали, поэтому у нас мир да любовь и никаких вопросов нет.

По генподрядчику. Естественно, говорить о генподрядчике преждевременно. В настоящее время осуществляется разминирование площадки — просто проверка, чтобы там не было ничего взрывоопасного. Я думаю, в ближайший месяц мы объявим конкурс на подготовительный этап и очистим площадку. В ближайшее время будет конкурс на проектирование. На сегодняшний день мы уже провели конкурс на предТЭО (технико-экономическое обоснование) этого проекта для того, чтобы окончательно определиться с наиболее оптимальной схемой. Мы подвели итоги по нему, победила компания «СВЕКО Союз Инжиниринг», если не ошибаюсь. Они уже делают эту работу, и как только они ее закончат, нам нужно будет собрать все исходные данные, понять, где, чего, как, почему, как подключаемся по газу, как подключаемся по воде.

У нас полное сотрудничество с представителями Чеченской Республики. Во многих субъектах Российской Федерации мы ведем строительство, и я вам честно скажу, что такого оперативного решения вопросов — не только тех, которые на уровне региона решаются... Там земля федерального значения, и даже вопросы по этой земле коллеги фактически замкнули на себя и решают все сами. Поэтому и Министру промышленности, и Президенту республики полный респект. Редко сталкиваемся с таким. Обычно с нас что-то просят еще в дополнение к тем проектам, которые мы реализуем, а здесь нам говорят: «Что, чем вам еще помочь? Давайте, вы говорите, а мы вам поможем». Поэтому нам очень нравится реализовывать этот проект.

ВОПРОС: А понятна ли уже мощность этой станции? Кто будет поставлять газ, и где будет располагаться площадка?

Д.В. ФЕДОРОВ: Газ будет поставлять «Газпром», площадка — ТЭЦ-3, мощность станции — 360 МВт, но она может быть и больше.

ВОПРОС: Ольга Квашина, Красноярская ГРЭС-2. Мой вопрос касается социальной политики компании и качества подготовки персонала. И делегировали мне его, помимо руководства станции, еще и представители электроэнергетических факультетов Сибирского федерального университета и Томского политехнического университета.

Как вы относитесь к созданию такого проекта (мы ему уже придумали название «Социальный проект «Будущее энергетики») о совместном партнерстве представителей образования и энергетики? В свою очередь они берут обязательства углубления и повышения качества инженерного образования. Мы, со своей стороны, окажем материальную помощь в создании видеоконференций, поможем детям принять участие в российском проекте «Будущее энергетики». Ваше мнение вот о таком социальном проекте.

Д.В. ФЕДОРОВ: Я думаю, никаких проблем нет. Денис Николаевич (Башук — Генеральный директор ОАО «ОГК-2») отработает весь проект. И вообще у нас в Красноярске нет проблем с кадрами, там расположены хорошие вузы. Возвращаясь к вопросу по Чечне: мы уже направили список требований к людям, которые должны эксплуатировать эту станцию. И коллеги сейчас посмотрят, где у них учатся представители Чечни в энергетических вузах, чтобы заранее их ориентировать на работу Грозненской ТЭС. Плюс, в случае необходимости, они готовы открывать дополнительную подготовку для того, чтобы обучать персонал, эксплуатирующий эту электростанцию. Он нам понадобится не через три года, когда мы построим станцию, а уже через год-полтора.

ВОПРОС: Анастасия Столбова, газета «Вести». Скажите, пожалуйста, проект ПГУ-800 Киришской ГРЭС получил премию Правительства России в области науки и техники. Как блок показал себя в работе, какова его эффективность? Не планируете ли построить еще один такой же и возможны ли другие инвестиционные проекты в Киришах?

Д.В. ФЕДОРОВ: Я уже сказал, что одним из приоритетных проектов после завершения нами основного обязательного этапа ДПМ будет реконструкция ТЭЦ Киришской ГРЭС. Там две части: конденсационная и теплофикационная. Тепловая энергия практически полностью потребляется заводом «Сургутнефтегаза». Насколько я понимаю, Денис Николаевич Башук уже ведет переговоры с руководством «Сургутнефтегаза» о том, что у них идет расширение, нужны другие параметры по пару. И мы готовы всё это делать. У нас хорошее сотрудничество с «Сургутнефтегазом», и не только по Киришской ГРЭС. Поэтому мы планируем реализовывать там инвестиционный проект. Пока о параметрах говорить рано, но внутри ОГК-2 такая работа ведется. Как они будут готовы, они эти материалы вынесут на комитет по бизнес-стратегии, потом — на Совет директоров.

По блоку. Большой красивый блок, который открывал Президент России Владимир Владимирович Путин. Блок получил, как Вы сами сказали, премию Правительства в области науки и техники. Зарекомендовал он себя хорошо, надежно и устойчиво работает. Показатели КПД там 56–57%, таких блоков не так много у нас в стране.

ВОПРОС: Анастасия Лырчикова, агентство Reuters. У меня тоже несколько вопросов. Один по Грозному. Можете назвать примерную оценку инвестиций, за счет каких средств вы будете оплачивать эту станцию: из заемных, или будет ОГК-2 нести эту нагрузку, или непосредственно «Газпром энергохолдинг»?

Второй вопрос связан с ТГК-2. Насколько я понимаю, вы вели переговоры о возможном приобретении активов этой компании либо самой компании. В какой стадии сейчас эти обсуждения и вообще это вам интересно еще или нет?

И еще один вопрос по вашему интересу к строительству генерации в Крыму. У вас этот интерес присутствует, Минэнерго планирует перенести некий ДПМ на эту генерацию в Крыму. Не знаете ли вы, о каком ДПМ может идти речь, не о ДПМ ли «Газпром энергохолдинга»?

Д.В. ФЕДОРОВ: Давайте начнем «снизу вверх».

По Крыму: нас пока в Крыму нет. Пока. Никаких условий Минэнерго пока не озвучивает. Будут озвучены условия, будут озвучены параметры станции — будем думать. Сейчас обсуждать пока нечего. Вообще. Я видел отдельные презентации, отдельные моменты, но пока ничего сказать не могу.

По ТГК-2. В настоящий момент мы не ведем переговоров о приобретении ТГК-2.

По инвестициям в Грозненскую ТЭС: они не будут осуществлены за счет средств ОГК-2. Они будут осуществлены за счет средств «Газпром энергохолдинга». По сумме — Вы задаете вопрос о сумме, а мы только-только вместе с Президентом Чечни заложили на площадке памятную капсулу. У нас еще нет даже обоснований инвестиций на выбор основного генерирующего оборудования, там могут быть различные варианты: может быть применена та схема, которая реализована на Адлерской ТЭС и на Первомайской ТЭЦ Санкт-Петербурга, то есть два блока по 180 МВт. Варианты разные, и от этого будут зависеть капитальные затраты.

ВОПРОС: То есть ТЭЦ, которая была, остается газопоршневой или вы будете искать другие варианты?

Д.В. ФЕДОРОВ: Она не бывает по проекту газопоршневой. Параметры ДПМ закладываются исходя из необходимых маневренных характеристик блока, КПД, мощности — целого ряда параметров. Нигде не пишется, что эта станция должна быть газотурбинной, паросиловой, парогазовой или тем более газопоршневой. Мы не планируем использовать газопоршневое оборудование, и не используем его на наших объектах.

А. ЛЫРЧИКОВА: Уточните, пожалуйста, по ТГК-2. Вы не ведете переговоры, потому что вы их провели и приняли решение о том, что вам эти активы не интересны? Или по каким-то другим причинам? Или вы их не вели, но будете вести?

Д.В. ФЕДОРОВ: Мы вели эти переговоры, но мы их — не знаю, какое слово выбрать, потому что все это влияет на фондовый рынок — приостановили или прекратили. Любое из этих слов может быть по любому воспринято инвесторами, поэтому я и сказал: мы их на сегодняшний день не ведем.

ВОПРОС: Александр Серебрянников, интернет-портал «Блогер 51». У меня несколько вопросов.

Первый вопрос. Я был на экскурсии на Иовской ГЭС, там сейчас идет модернизация гидроагрегатов. Будет ли продолжаться модернизация гидроагрегатов на гидроэлектростанциях? Если да, ваши подрядчики опасаются, что из-за возможных санкций появятся проблемы с оборудованием, которое они сейчас используют, в частности там сейчас ставятся лопасти из Австрии, насколько я понял. Готовы ли вы к возможным последствиям санкций? Будет ли продолжаться модернизация?

И второй. На прошлогодней пресс-конференции вы говорили об успешном опыте перехода на прямые платежи в Мурманской области. Минувший год внес свои коррективы, рост задолженности продолжается, и более того, усилиями крупнейшей управляющей компании Мурманска ваш менеджер, директор по сбыту, попал под уголовное дело. Будет ли как-то меняться стратегия компании в связи с этими событиями?

Д.В. ФЕДОРОВ: Модернизация будет продолжена. У нас на рассмотрении еще один каскад Туломских ГЭС, рассматриваются достаточно большие инвестиции. Если менеджмент ТГК-1 успеет, то необходимые затраты будут внесены в инвестпрограмму следующего года. Они хотели внести эти затраты уже на этот год, но в связи с отсутствием обоснования инвестиций члены Совета директоров приняли решение этого не делать. Дали поручение разработать технико-экономическое обоснование и на следующий год внести в инвестпрограмму. Почему мы не должны ремонтировать ту корову, которая дает нам деньги? Без гидроэлектростанций в составе ТГК-1 мы были бы сейчас в очень плохой финансово-экономической ситуации.

О санкциях. Тут не о чем разговаривать, особенно относительно проектов на ГЭС. Не поставит Австрия — поставят «Силовые машины», поставит Китай, поставят страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Есть свои проблемы, но больших рисков мы не видим по тому конкретному вопросу, который Вы задали. Я вообще никаких рисков не вижу. Если не поставят, то будем судиться с австрийской компанией. Я думаю, она сама не будет сильно рада, если ей запретят что-то поставлять, потому что она участвовала в конкурсе и в достаточно серьезной борьбе сумела победить даже «Силовые машины»,

которые находились рядышком. Мы все с вами прекрасно знаем, что значительная часть энергетического оборудования производится не в странах Западной Европы, а только поставляется с шильдиками Западной Европы. Я объездил практически весь Китай, и там, где расположены основные производственные мощности по производству газовых турбин и электротехнического оборудования, я везде был и я все посмотрел. Мы уже используем и в Москве на объектах «Мосэнерго» китайское оборудование. Я знаю, что «Иркутскэнерго» активно использует китайское оборудование, и оно демонстрирует себя достаточно неплохо, даже в климатических условиях Иркутской области. Поэтому у особых проблем здесь не вижу.

В целом, наши компании, входящие в «Газпром энергохолдинг», все риски изучают. Всё прекрасно понимаем и спокойно двигаемся. В том числе создание «ГЭХ-энергоремонт» направлено на то, чтобы мы сформировали мощные силы и получили возможность не привлекать западных «шефов» к ремонту оборудования. Мы уже можем их не привлекать. Я знаю, что ряд компаний их не привлекает — не только к ремонту, но даже к монтажу тех же газовых турбин. У нас нет панических настроений. Все нормально, мы справимся.

По ситуации с директором по сбыту. Она на самом деле такая, знаете... «Было бы смешно, если бы не было так грустно». Ошибка при перечислении денег по исполнительному листу привела к подобным вещам. Это недоразумение, я надеюсь, что оно будет урегулировано. Просто по исполнительному листу перечислили неправильно деньги. Для меня это вообще нонсенс, я вообще не понимаю, как это могло произойти. Злого умысла не было.

ВЕДУЩИЙ: Вопросы к нам приходят не только из зала, но и по интернету. Вот здесь есть один вопрос, который, наверно, перекликается с первым только что заданным. Спрашивает Евгений Бутов, частный инвестор: «ГЭХ в 2011 году начал проводить политику импортозамещения, инвестировав в развитие отечественного производителя АСУ ТП — группу компаний «Текон». Как вы оцениваете успешность данных инвестиций, и каковы дальнейшие планы ГЭХ в направлении импортозамещения?»

Д.В. ФЕДОРОВ: За три с половиной года мы уже окупили инвестиции в этот проект. И не только окупили, мы уже получаем хорошую прибыль, и по этому году, я думаю, получим хороший дивидендный поток от этой компании. Плюс мы действительно сами делаем контроллеры. Пока делаем не всю элементную часть, но нам сложно конкурировать с поставщиками, которые реализуют элемент по всему миру с себестоимостью в 60 копеек. Поэтому, производя их только для компаний ГЭХа и нескольких энергокомпаний, мы не можем конкурировать по себестоимости. Тем не менее, большая часть производства осуществляется в России, контроллеры собираются сами, и никаких «жучков» никто не может ставить, которые сгорят и что-то произойдет со станцией, как это случилось в Иране в свое время. Большую часть паросиловых блоков оснащаем этим оборудованием, и всю «нижнюю» часть парогазовых блоков оснащаем оборудованием «Текона».

В принципе специалисты «Текона» уже говорят о том, что они готовы делать верхний уровень, то есть оснащать саму газовую турбину своими контроллерами. Я пока с опаской к этому отношусь, все-таки температуры там достаточно высокие, и необходимая скорость срабатывания автоматики — доли секунды, но, тем не менее, идут работы. Мало того, хочу сказать, что компания Siemens с нами полтора года назад вела переговоры по поводу своего вхождения в этот проект. Понятно, что у них свои интересы, у нас — свои,

мы годик переговоры провели и разошлись как в море корабли. Они уже явно опасаются. Они провели полевые испытания контроллеров, и им они понравились, но заключение нам не хотят давать. Считаю, что проект успешен.

Об импортозамещении — не хочу сейчас говорить, в течение месяца-полутора вы узнаете об одном из достаточно крупных наших проектов, связанных с импортозамещением и с производством высокотехнологичной наукоемкой продукции на территории Российской Федерации — с одним из крупных энергомашиностроительных заводов РФ.

ВОПРОС: Людмила Ковалевская, газета «Ставропольская правда». Строительство новых блоков на Ставропольской ГРЭС было перенесено на Серовскую ГРЭС. Каковы вообще перспективы технического перевооружения у нас на Ставропольской ГРЭС, ОГК-2?

И второй вопрос. Соцпакет работников энергохолдинга на порядок хуже, чем у сотрудников большого «Газпрома». Снижение заработной платы имеет важное значение для привлечения молодых специалистов. Какие есть перспективы в этой области?

Д.В. ФЕДОРОВ: По Ставропольской ГРЭС. Каких-то масштабных инвестиционных проектов у нас на ближайшее будущее не запланировано. Там есть инвестиционная программа, есть ремонтная программа, есть программа надежности, которая реализуется из года в год. Но крупных инвестпроектов пока, при текущей загрузке станции, мы не планируем.

Соцпакет «Газпрома» лучше, чем в «Газпром энергохолдинге». Естественно, лучше: «Газпром» показал первое место по EBITDA в этом году в мире. Вот когда мы хотя бы в первую сотню войдем по EBITDA в мире, тогда можно будет об этом говорить.

Я не считаю, что у нас плохой соцпакет, мы видим это по всем регионам. Например, в ситуации по Ондской ГЭС я знаю, что представители каскада Выгских ГЭС написали письмо на имя Президента Российской Федерации с тем, что мы не хотим в РУСАЛ, оставьте нас в «Газпроме». «Газпром» — это стабильно, «Газпром» — это надежно, и мы не хотим никуда уходить от «Газпрома». Конечно же, людям всегда хочется, чтобы что-то было лучше. И мы ведем такую работу, общаемся с профсоюзами, и тот накал, который был еще два-три года назад, был с профсоюзами снят. В кризис мы, в отличие от большинства энергокомпаний, не говорили о снижении зарплат. Тогда речь шла только о заморозке, учитывая сложную экономическую ситуацию.

Понятно, что мы не можем соревноваться с сетями, которым повышение зарплат закладывают в тариф. Нам никто ничего в тариф не закладывает, у нас тарифа в принципе нет. Там заложат плюс 15%, но мне-то никто не заложит. Поэтому, исходя из тех финансовых результатов, которые есть, мы и обеспечиваем. Я считаю, у нас очень неплохое социальное обеспечение сотрудников. Во всяком случае, вряд ли много энергокомпаний сравнится с нами.

ВОПРОС: Виталий Соколов, агентство Energy Intelligence. У меня два коротких вопроса. Первый: не могли бы вы озвучить планы «Газпром энергохолдинга» по инвестициям на 2014 год?

Второй: в феврале была информация, что «Газпрому» интересны два актива во Франции, которые принадлежат австрийской Verbund. Не могли бы вы сказать, интересны ли эти активы «Газпрому» сейчас и почему? И чем обусловлен интерес к рынкам в

Германии, на Балканах, в Японии, Вьетнаме и Китае — в странах, которые вы перечислили в презентации?

Д.В. ФЕДОРОВ: По инвестициям. В 2013 году у нас 67 млрд руб., в 2014 году — примерно те же цифры, около 67 млрд руб. Это без МОЭК, потому что у нее своя инвестпрограмма, там 21 млрд руб. по этому году.

По французской теме. Вопрос не мой, задайте его Департаменту внешнеэкономической деятельности или Александру Ивановичу Медведеву на пресс-конференции. Этим проектом они занимаются.

В. СОКОЛОВ: А рынки?

Д.В. ФЕДОРОВ: Мы проанализировали все рынки по целому ряду параметров. Обсудили с консультантом и пришли к выводу о том, что Германия — это потенциально достаточно интересный рынок. Но на сегодняшний день мы не видим возможности вхождения на него ввиду целого ряда факторов. Или нас не устраивает цена, по которой предлагаются активы, или еще какие-то параметры. Как я уже сказал, пока из тех проектов, которыми занимается «Газпром энергохолдинг», мы ведем только проект с NIS.

ВОПРОС: Наталья Скорлыгина, газета «Коммерсант». У меня два вопроса: один конкретный, один абстрактный.

Конкретный вопрос такой. Минэнерго давно говорит о том, что хочет еще немножко подвигать разнообразные ДПМ. Выходило ли оно на компании «Газпром энергохолдинга» с предложениями о переносе каких-либо ДПМ? Если да, то каких и зачем? Какова была ваша реакция?

Абстрактный вопрос такой. Как, по Вашему мнению, сейчас можно зарабатывать в электроэнергетике, в каких секторах и как влияет на вашу стратегию осознание этих направлений?

Д.В. ФЕДОРОВ: Действительно, обсуждается вопрос «амнистии» по ДПМ. Поэтому скорее не Минэнерго должно выходить на нас, а мы на него. Разговор такой был о том, что, ребят, если у вас есть где-то какие-то проблемы, давайте садиться за стол и их обсуждать. Но пока у нас таких предложений к Минэнерго нет, поэтому мы подобные вопросы не обсуждали. Решен вопрос по проекту в Чечне, вернее, еще не решен, но механизм запущен. За это я благодарен лично Вячеславу Кравченко, заместителю Министра энергетики. Потому что можно было и год, и полтора заниматься. Понятно, что без соглашения о переносе ДПМ было бы проблематично строить станцию. Как и любую станцию сейчас проблематично строить без ДПМ.

Как зарабатывать в электроэнергетике? Это достаточно непростой вопрос. Зарабатывать в электроэнергетике стало сложно. Если в этом году мы удержим показатели и финансовые результаты прошлого года, то это будет очень хорошо. Плюс мы еще достаточно не просто обсуждаем проекты КОМа (конкурентный отбор мощности) на 2015–2016 годы. Перспективы носят для нас характер достаточно негативный, мягко говоря. Они сочетают в себе набор пяти-шести факторов, которые активно могут повлиять и привести к негативным результатам у генкомпаний. Тем не менее, проведя ряд переговоров, в том числе с Минэнерго, мы понимаем, что постановление, размещенное на сайте, это не окончательные их позиции, и они готовы его обсуждать. Там есть здравые вещи, с которыми нам придется соглашаться. Просто мы не хотим, чтобы они все свалились на нас в 2015–2016 годах, чтобы был какой-то этап по подготовке введения

негативных факторов. Ну что такое запрет вынужденной генерации по теплу с 2016 года? Я говорю: «Давайте введем запрет с 2017 года, но придумаем что-то другое». Ну, давайте закроем Шахтинскую ГТЭС. К ним много вопросов, и у меня в том числе. Тариф на тепло там под 2 тыс. руб., и с рынка они получают побольше, чем отдельные ДПМ. Ну, лишили их статуса вынужденного генератора, ну, закрылись они завтра. Что дальше-то будет? Кто будет снабжать город Шахты теплом? Там за год вырастет котельная? Я не видел проектов по строительству котельных в этом регионе.

Поэтому введение негативных факторов должно сочетаться с введением позитивных факторов. Если мне говорят о том, что срок ремонта должен быть вот таким, а дальше у тебя начинаются штрафные санкции — окей, но тогда дайте вывести из работы то оборудование, на ремонт которого мне не выделили денег. Я не буду просить доходы с рынка, но и не буду платить штрафы. Тем более что по такому оборудованию мы особых-то доходов и не имеем. А то, с одной стороны, мне запрещают выводить из эксплуатации, не дают источника финансирования ремонта этого оборудования, хотя все понимают, и каждый осенне-зимний период начинается с того, что люди из Министерства энергетики начинают шашками махать. Что шашкой-то махать? Отозвали у нас паспорт готовности по Троицкой ГРЭС. Да не вопрос! Мы за шесть лет вложили туда 10 млрд руб. Мы еще когда ее купили во все ведомства писали, в том числе и в правоохранительные: разберитесь, кто довел станцию до такого состояния. А Минэнерго принимает решение отозвать паспорт готовности. Вот мы не очень умные люди, я скажу так! Мы пытаемся найти решение, привозим туда иностранцев, привозим крупные энергомашиностроительные компании, производящие котельное оборудование, чтобы решить эту проблему. А Минэнерго ее решает легко. Отозвали паспорт готовности — оборудование что, заработало от этого? По-моему, нет.

Я считаю, что мы продуктивно поработаем с Минэнерго и все-таки КОМ 2015–2016 годов пройдем нормально.

По поводу ДПМ. О проблеме переноса срока с десяти до пятнадцати лет сделали какую-то манию. Много разговоров про ДПМ, очень много. Каждый год начинается: «С ДПМ будет то, с ДПМ будет се, ДПМ отменят, ДПМ снизят...». За эти годы никто ничего не отменил и не снизил. Желающих инвестировать в ДПМ на сегодняшний день — и компаний, вышедших из РАО «ЕЭС России», и частных инвесторов, — очень много. Та же корпорация «ГазЭнергоСтрой» просто мечтает о том, чтобы им дали хоть какой-то ДПМ. Сергей Чернин, президент корпорации «ГазЭнергоСтрой», обошел все кабинеты и всех журналистов по этому поводу.

В растяжении срока с десяти до пятнадцати лет лично я проблем не вижу. Мы — стратегический инвестор. Мы пришли в отрасль не для того, чтобы те активы, которые у нас есть на сегодняшний день в лице ТГК-1, Мосэнерго, ОГК-2, МОЭК, завтра перепродать. Показать хорошую EBITDA и кому-то их продать. Для нас растяжение с десяти до пятнадцати лет позитивно, потому что мы будем получать высокие платежи за мощность за гораздо больший период времени. Они по году будут чуть-чуть меньше, но у меня не будет провала, когда пройдет десять лет. Мне выгодно, чтобы у меня была стабильная хорошая EBITDA на протяжении всего промежутка времени, а не какими-то скачками. Поэтому для нас это выгодно, и я об этом всегда говорю. Да, это несет ряд рисков, о том, что если начнут, то уже не остановятся, я слышу их от своих коллег. Эта позиция имеет право на существование, но на сегодняшний день обсуждается только одна

поправка — это изменение срока. Для нас оно в меньшей степени нейтрально, а в большей — для нас положительно.

Н. СКАРЛЫГИНА: А еще какие-то направления заработка есть?

Д.В. ФЕДОРОВ: Я говорю: зарабатывать нам стало очень сложно. Очевидно — этому учат на втором-третьем курсе любого энергетического института, — что самое эффективное — это ТЭЦ, имеющая равномерный график заполнения по тепловой мощности. Если есть где-то заводы, которые в больших объемах потребляют тепло, по равномерным графикам, то, конечно же, возле этих заводов и нужно строить. Пример опять же — Киришская ГРЭС в ее ТЭЦовской части, где рядом за забором стоит завод «Сургутнефтегаза». Туда спокойно отпускается тепло, и ТЭЦ «барабанит» равномерным графиком. Это хорошо и для оборудования, и для работы на рынке, и для потребителя тепла — хорошо для всех. Поэтому поиск таких проектов на сегодняшний день является хорошим заработком.

Я думаю, что энергоремонтный бизнес, которым мы сейчас собираемся заняться, тоже будет для нас выгодным. Проект нашего участия в компании по автоматизации это показал. Сегодня мы фактически впервые объявляем о том, что будем создавать «ГЭХ-энергоремонт», но слухи об этом давно ходили; и к нам уже приходит очень много серьезных и крупных бизнес-структур, которые готовы практически на любых условиях с нами сотрудничать. У нас все-таки большой рынок, и поэтому я уверен — мы семь раз отмерили и один отрезали, — что этот бизнес принесет интерес нашим генкомпаниям за счет того, что они будут знать, куда идти со своими проблемами и жалобами. Это не просто когда кто-то, знаете, полтрубы вырыл и снялся. И вот за ним бегаешь. Я знаю эту проблему.

Один из моих бывших заместителей, Артур Михайлович Тринога, который сейчас возглавляет ГУП «ТЭК» в Санкт-Петербурге, он жестко скован — там бюджетные деньги и так далее. Он мне рассказывает: приходит на конкурс компания, и я понимаю, что она работу за деньги, которые оглашает, не сделает. Мы тоже с этим сталкиваемся. Я по ряду компаний, которые приходят на конкурсы, располагаю инсайдом, что они привезут мне контрафакт. Я ничего с этим сделать не могу — сейчас такое законодательство в области конкурентных закупок. Они привозят мне, естественно, контрафакт, естественно, мы его там ждем, служба безопасности его принимает. И я ничего сделать не могу. Вообще ничего. Я не могу обратиться в правоохранительные органы, потому что зачастую мы не платим аванс — ущерб не причинен. Ну, привезли мне контрафакт — ущерба-то нет. Сидим, между собой ругаемся — и все! И вот, возвращаясь к Артуру Михайловичу, он мне говорит: я знаю — компания полтрубы вырыла, ушла, перерегистрировалась, а мы бегаем их ищем. И какие решения принимать? Не оставлять же на ОЗП разрытую теплотрассу. А у него это бюджетные деньги, вообще-то. И как ему быть в этой ситуации — никто не объяснит.

Поэтому я считаю: то, что мы будем контролировать ремонтный бизнес, принесет пользу генкомпаниям, и мы вместе с генеральными директорами найдем здравые и оправданные затраты по цене и ремонту. У нас для этого есть специальная комиссия, куда входят все руководители компании, главные инженеры — комиссия по эффективности. Мы приняли решение о том, что, скорее всего, уйдем с твердой цены и будем определять коэффициенты на ремонтные работы. Коэффициенты будем определять соответствующей комиссией по регионам. Мы двигаемся в этом направлении.

А. ФАДЕЕВА: У меня пара уточняющих вопросов. Не могли бы вы уточнить сумму контракта с Волжской ТГК? И по поводу Ондской ГЭС: рассматриваете ли вы возможность, чтобы не продавать электростанцию, предложить еще большую скидку РУСАЛу? И как на эту принудительную продажу реагирует Fortum?

Д.В. ФЕДОРОВ: Хорошие вопросы. Контракт по Волжской ТГК — это порядка двадцати лет. Мы сейчас подписываем дополнительные соглашения к существующему договору, учитывая, что достаточно ограничены текущим законодательством по заключению двусторонних договоров. Поэтому долгосрочные допсоглашения к договору подписываются на двадцать лет со снижением цены и с обязательствами, что при изменении законодательства и изменении уровня перекрестного субсидирования эти соглашения будут пересмотрены. «Большой» договор ведем сам по себе, и над ним работаем, и думаем, что он будет выгоден для обеих сторон. Сумма скидки — порядка 5%, которую нам сейчас предлагают «Комплексные энергетические системы», — посчитана с учетом и объема инвестиций в станцию для возможного строительства новой станции у Омского ГПЗ, и тех проблем, которые у нас могут возникнуть при ее строительстве.

Мы считаем, что 5%, а дальше будет снижаться перекрестное субсидирование, соответственно, дальше будет снижаться тариф. Плюс мы закладываем возможность, что, если будет снижение цены на газ, — а там газ не совсем стандартный поставляется, и есть возможности изменения формул цены, — то адекватно будет снижаться цена на тепло для предприятия. Но это отдельный вопрос, который мы будем отдельно рассматривать. На сегодняшний день контракт на двадцать лет, скидка — 5%.

А. ФАДЕЕВА: Еще контракты будут, в Астрахани, например?

Д.В. ФЕДОРОВ: По Астрахани — у нас там котельная стоит, которую арендует «Газпром энерго», поэтому там вряд ли. В Астрахани мы планируем строить собственную электростанцию. Уже ведем проектирование, выбрана площадка, она уже находится в аренде у «Газпром энергохолдинга» на сорок девять лет, поэтому там ситуация развивается. Не так быстро, как хотелось бы, но это связано, скорее, с тем, что там очень сложная геология, и нам нужно получить много разрешений, в том числе от Роснедр. Мы этим занимаемся, но, к сожалению, не так быстро, как нам хотелось бы.

По Ондской. Понимаете, есть решение. Оно принято. Оценка будет готова в течение двух недель и вынесена на рассмотрение Совета директоров ТГК-1. Как поведет себя РУСАЛ в этой ситуации, мне сказать очень сложно, потому что показания меняются достаточно часто. Хотя мы с коллегами и договаривались о том, что мы не будем в прессе друг друга обижать, тем не менее, после того как я читаю некоторые вещи про нас, у меня возникает вопрос: кто у кого что просит-то? Нас в прессе просто размазывают. У нас есть актив, который работает и который никому не мешает, — а нам говорят, что мы такие плохие, сякие и вообще не хотим его продать РУСАЛу. С какой радости?

Ладно. Зная, что там есть социальная напряженность, приняли решение, договорились: будет рыночная цена. Примерные параметры этой рыночной цены понятны и нам, и «Русскому алюминию». В следующую среду — старт первых переговоров о том, как все это будет проходить. Дополнительную скидку мы не можем дать: 65 коп. — это снижение почти на 40% от цены на РСВ. Мы уже не можем ниже продавать, к нам возникнут вопросы у налоговых служб и у всех-всех-всех. Они раньше говорили: нам нужен 1 руб. Мы им предложили 65 коп., определенную цену предложили «Россети». Они

в рубль укладываются на раз-два. Теперь им нужно еще больше. Чего им нужно еще больше — я не понимаю. Им нужна и станция, и сеть. Ну, пожалуйста, заберите станцию, заберите сеть. Но есть рыночная оценка сети и рыночная оценка станции. Я экономического смысла для РУСАЛа в этом не вижу. Они смогут обслуживать только проценты по займу, они не смогут обслуживать тело кредита. Да, наверное, есть возможность оптимизации этой деятельности. Наверное, мы часть затрат исполнительного аппарата относим на себестоимость этой станции. Я не знаю, какой у них будет исполнительный аппарат, что они там будут относить. Может, эта сумма снизится. Но это все равно не даст им какого-то значительного снижения. Они не будут зарабатывать на этой станции 700 млн руб. в год.

Отношение Fortum — негативное. Не-га-тив-но-е. Как бы Fortum... ладно, не буду говорить инсайд. Но мы же компания социально ответственная, мы понимаем, что происходит. И я участвую регулярно во всех совещаниях — и в Правительстве, и в Администрации Президента. В Надвоицах ситуация действительно непростая. И ее нужно решать. Вот РУСАЛ предложил решение — окей, но я считаю, что для них выгоднее было бы пойти по фиксации контракта на льготную поставку электроэнергии с Ондской ГЭС на десять-пятнадцать лет. Мы с КЭС же договорились, хотя КЭС тоже непростой переговорщик. Договорились на целых двадцать лет. И практически реализовали — до конца месяца, скорее всего, дождем эту ситуацию. РУСАЛ хочет купить станцию — хорошо, мы готовы ее продать по рыночной цене. Индикатив будет чуть ниже, чем то, что мы озвучивали раньше, постольку-поскольку, как я уже говорил, внешняя конъюнктура ухудшилась. Но все недалеко ушло.

ВЕДУЩИЙ: Денис Владимирович, спасибо за содержательные ответы, как всегда. Пресс-конференция окончена.